

— В аспирантском общежитии в Ленинграде у меня появились новые приятели: Казбек и Ваха - два неразлучных, как братья, друга-дагестанца, разных, правда, национальностей, их ведь что-то около тридцати в Дагестане. Казбек - из Махачкалы, то есть житель побережья Каспия, а Ваха - откуда-то с гор (из Хасавюрта, кажется). Оба поступили в аспирантуру физфака ЛГУ после окончания махачкалинского университета. Два последних года аспирантуры я жил в общежитии вместе с ними и очень с ними сдружился. Они делились со мной всеми своими мелкими и крупными заботами и неприятностями, а также посылками из родных мест, которые они регулярно получали. Им слали вино в канистрах, чёрную икру в литровых банках, балыки красной каспийской рыбы, фрукты. Я платил им внимательностью к их душевным излияниям, сочувствием. При всех их слабостях, обусловленных особенностями воспитания, я испытывал глубокую симпатию к этим непосредственным, темпераментным ребятам.

— Много интересного, нового для меня узнал я от них о том, как живут ещё нынче мои почти что соплеменники - всё-таки рядом с Грузией! - даже из образованных семей, как у Казбека, например. Почтительность и беспрекословное послушание в отношении со старшими, обострённое чувство чести и престижа, весьма, впрочем, своеобразно понимаемых, пренебрежительное отношение к женщинам (но не к девушкам!), глубочайший национализм, прочность родственных связей, строгое соблюдение обычаев - всё это было у них в крови, составляло основной фон их жизни, мироощущения и поведения.

— Я любил разговаривать с ними об их образе жизни там, у себя дома, особенно с Казбеком, который нравился мне своим умом, тонкостью суждений, человечностью, вообще незаурядностью и цельностью личности, окрашенной к тому же ярким национальным колоритом. А внешне он выглядел слегка даже отпугивающе, диковато, абрек настоящий, не то, что Ваха. Тот - повыше среднего роста, строен, пышная шевелюра; кавказские черты лица с чуть раскосыми глазами не утрированы, есть что-то европейское - пожалуй, похож на испанца, всегда весел и даже изящен. Соответственно, и изнутри - легковесен, прост, даже наивен. Казбек же, хоть и ладно сложен, но низковат, так что выглядит коренастым, глаза посажены глубоко, брови густые, щетина растёт со страшной скоростью, коротко стрижен, выглядит угрюмым, но в улыбке - обаятелен. Зубы у обоих - ровные, белые, любо смотреть, как они улыбаются.

— Так вот к Казбеку я часто приставал с расспросами о том, как они живут, и как он сам к ихним "диким" обычаям относится. "Диким" же мне казалось, например, такое. Жену сыну выбирают его родители, возможно, даже и незнакомую ему девушку, но чаще из семьи друзей или уважаемых знакомых. (Ваха уже был женат, ждал ребёнка, а когда он родился - страшно огорчился, что девочка; Казбеку будущую жену уже выбрали, но ещё не женили.) Конечно, если сын сам полюбит девушку, которая по положению её семьи устраивает родителей юноши, то всё прекрасно... ну, а если нет, то слово родителей - решающее. Женят сравнительно рано - парней лет в двадцать, девушек раньше. Обе стороны заваливают молодожёнов подарками - ковры, мебель, посуда, кто может - машину, тут вся родня старается. Женить детей - первая цель, если не смысл жизни родителей, кому же ещё и решать этот основной вопрос бытия, как не родителям, - так рассуждают они.

— Ну, а ты-то сам как к этому относишься? - спрашивал я Казбека.

— Спокойно отношусь. А чего здесь такого? Женщина мне нужна? Нужна. Что же мне - по чужим жёнам дома бегать? Это здесь в Ленинграде можно, а у нас опасно - зарежут. Значит, жениться нужно. А на ком? Девушки мне многие нравятся, но чтобы я кого-то уж очень сильно любил - такого нет... Что же, ждать, когда большая любовь придёт? Да я же мужчина, мне женщина сейчас нужна. А родители мне же не враги, они плохую девушку в жёны мне не выберут. Да и зачем идти против обычаев? У нас это осуждают, а ведь мне

там жить. Зачем же мне нужно, чтобы меня дома не уважали ни родные, ни знакомые? А в других местах, где можно жить иначе, мне жить не хочется, мне дома хочется жить.

— В Ленинграде Казбек и Ваха всюду ухлёстывали за подворачивавшимися девушками, девицами, женщинами и бабами - от студенток-филологинь до непотребных шлюх Гавани. Нередко они влипали в дурацкие истории, грозившие им милицией, либо - чего они пуще всего боялись - сообщением домой. Ваха убеждённо считал, что изменять вовсе не грех, а вот допустить, чтобы она (жена) об этом узнала - позор! Впрочем, эти неприятности ненадолго охлаждали их пыл. Южный темперамент и доступность многих представительниц окружавшего их женского пола брали своё. Помню, Ваха здорово насмешил меня таким высказыванием: "Что женщины? Подумаешь, женщины! Говорят, нельзя жить без женщин. Я вот уже неделю живу без женщин и ничего, не умер."

— Своей научной, аспирантской работой Казбек и Ваха занимались, судя по всему, добросовестно. Во всяком случае пропадали в НИФИ с утра до позднего вечера, исключая выходные. "Главное - защититься," - говаривали они мне. - "У нас кандидат наук - очень уважаемый человек. Пойдём на преподавательскую работу, детей знакомых в университет будем устраивать - за это у нас, знаешь, как уважают!" "А наука?" "Какая там у нас наука, сам понимаешь. Разве в науке счастье?"

— Они очень гордились Расулом Гамзатовым - вот ведь каким большим, уважаемым по всему Союзу человеком стал их земляк!

— Политика сама по себе их не интересовала, но когда я заводил разговоры на темы советской власти, они с оживлением их поддерживали, особенно, Казбек, совершенно не склонный к коммунистической ортодоксальности. Больше, чем другие, волновал их национальный вопрос. "Зачем нам фамилии ввели? Какой я Рашидханов? Отец мой - Рашидхан, а я - Казбек. Зачем обязательно как у русских должно быть?"

— В общем жить с ними, а точнее, проводить вечернее время перед сном было не скучно...

(продолжение следует)